

Феофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи императора Александра І-го.

Въ памяти русскаго общества во дни столѣтнихъ юбилейныхъ торжествъ все чаще и чаще въ наше время будутъ переживаться славные дни, событія и лица незабвенной эпохи первой половины царствованія императора Александра І-го.

Истомляемое болѣзненной тоской вѣдѣніе неудовлетворенности дѣйствительностью, нерѣдко теряющее чутье истины, подчасъ забывающее объ исконныхъ національныхъ основахъ и стремящееся неудержимо къ чуждымъ идеаламъ, наше современное общество лихорадочно хватается за все бодрящее, зовущее къ жизни, труду, будетъ ли это мощная здоровая современная мысль, или свѣтлое историческое воспоминаніе о прежнихъ радостныхъ дняхъ, когда оно вѣрило, надѣялось, понимало себя, свои задачи, идеалы. Эпоха первой половины царствованія императора Александра І-го состояла именно изъ такихъ славныхъ дней нашей общественно-политической жизни. Ее смѣло можно назвать эпохой нашего оживленія, зарожденія того идеализма, который, какъ ни показавшись иногда печальной дѣйствительностью, все-же никогда у насъ не замиралъ,—эпохой необыкновеннаго подъема благороднаго національнаго чувства, появленія у насъ энергичныхъ и европейски просвѣщенныхъ дѣятелей, при одномъ имени которыхъ проникаешься благороднымъ гордымъ национальнымъ чувствомъ и добрымъ настроеніемъ.

Но, къ сожалѣнію, теперь не всё изъ этихъ славныхъ дѣятелей живо и ясно у насъ воспоминаются; нѣкоторые почти забыты. Къ такимъ, напр., принадлежитъ Оеофилактъ Русановъ, членъ св. Синода, епископъ калужскій, потомъ архіепископъ рязанскій и, наконецъ, экзархъ Грузіи. Между тѣмъ, знакомство съ нимъ, помимо психологическаго интереса, имѣетъ важное историческое значеніе. Бывши у насъ блестящимъ церковнымъ дѣятелемъ и проповѣдникомъ въ началѣ прошлаго столѣтія, Оеофилактъ Русановъ вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ выразителемъ лучшихъ идей п умственныхъ теченій своего времени. По самой широтѣ своей натуры, по свойству своего даровитаго духа, онъ, по сравненію съ многими своими современниками, могъ гораздо глубже усвоить тѣ матеріалы, какіе перерабатывала эпоха первой половины царствованія императора Александра I-го, и лучше понять коренныя задачи послѣдней. Человѣкъ съ блестящимъ умомъ, сильной волей и стремленіемъ къ иниціативѣ, преосвященный Оеофилактъ способенъ былъ бы во всѣхъ родахъ службы и дѣятельности быть на видной высотѣ. Но ему выпалъ жребій посвятить свои богатые и энергичныя силы служенію нашей церкви. И въ этомъ отношеніи, какъ церковный дѣятель, онъ представляетъ замѣтное явленіе въ нашей исторіи. Имя его, по плодамъ его дѣятельности, должно занять почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія вообще, въ исторіи нашей духовной школы, въ особенности—церковнаго управленія и духовнаго краснорѣчія. Какъ духовный ораторъ, Оеофилактъ Русановъ былъ извѣстенъ въ свое время всей сѣверной нашей столицѣ: Двору, высшему интеллигентному обществу и среднему классу. Казуга и Рязань также восхищались его проповѣдями. И при всемъ этомъ значеніи его личности, до сихъ поръ исторія не произнесла хотя бы болѣе или менѣе полнаго и безпристрастнаго суда надъ ней. Мало того, ими

этого знаменитаго іерарха до послѣднихъ годовъ оставалось какъ-то въ тѣни, въ забытіи, тогда какъ нѣкоторые изъ современниковъ его и дѣятелей, педшихъ параллельно съ нимъ, сошли въ могилу, завѣщая потомству громкую извѣстность и отмѣтивъ собою особую эпоху въ исторіи русской церкви новаго времени.

Въ нашей литературѣ нѣтъ обильнаго матеріала объ этомъ замѣчательномъ церковномъ дѣятелѣ и извѣстномъ въ свое время проповѣдникѣ. Насколько мы имѣли возможность узнать, первыя печатныя біографическія свѣдѣнія о немъ относятся къ 1847 и 1848 г.г. Мы разумеѣмъ, во-первыхъ, біографію его, помѣщенную въ „Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 г. въ № 34 и съ небольшимъ сокращеніемъ воспроизведенную въ іюньской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1848 г. (на 303—304 ст.), во-вторыхъ—біографію его, помѣщенную въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“ Бантышъ-Каменскаго (изданіе въ СПб. 1847 г. 5 ч. 390—392 стр.). Указанія біографіи очень кратки и, не давая никакого опредѣленнаго понятія о личности и дѣятельности Оеофилакта Русанова, представляютъ собою почти только сухой перечень хронологическихъ датъ и перемѣнъ служебной его дѣятельности. Въ „Словарѣ“ Бантышъ-Каменскаго есть, между прочимъ, перечень его ученыхъ трудовъ. Такой же краткій и сухой перечень его ученыхъ трудовъ съ краткими біографическими свѣдѣніями мы встрѣчаемъ во второй части „Обзора русской духовной литературы“ преосвящ. Филарета Черниговскаго (ст. 209). Въ 1857 г профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи Ил. Чистовичъ издалъ „Исторію С.-Петербургской духовной Академіи“, въ которой сообщилъ хотя цѣльныя, но краткія и официальные біографическія свѣдѣнія о Оеофилактѣ. Указанное сочиненіе Чистовича даетъ много официальныхъ данныхъ собственно относительно его академической дѣятельности. Въ 1868 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“

Труды Киевск дух Акад. Г. III. 1904 г.

(3 и 4 кн.) явилась статья П. М., подъ заглавіемъ „Изъ прошлаго“. Авторъ этой статьи, обозрѣвая эпоху Александра I-го, говоря, между прочимъ, и о Русановѣ, но настолько, насколько дѣятельность послѣдняго соприкасается съ дѣятельностью другихъ знаменитыхъ его современниковъ. Названная статья изображаетъ только петербургскую дѣятельность Оеофилакта, не упоминая вовсе о дѣятельности его въ Калугѣ, Рязани и Грузіи. Кромѣ того, отдавая должную справедливость фактической сторонѣ названнаго труда П. М., исторія не можетъ безъ провѣрки принять предложенное въ немъ истолкованіе фактовъ. Истолкованіе это основано отчасти на запискахъ современниковъ, нерасположенныхъ лично къ знаменитому іерарху, отчасти на немногихъ разсказахъ старожиловъ, помнившихъ его; но эти разсказы нуждаются въ болѣе тщательной провѣркѣ. Вообще, при всемъ сочувствіи автора названной статьи къ Оеофилакту, на каждой страницѣ ея проглядываетъ тенденціозное стремленіе объяснить все поведеніе Оеофилакта честолюбивыми видами и его враждою къ С.-Петербургскому митрополиту Амвросію. Такою же тенденціозностью отличается требующая внимательнаго критическаго разсмотрѣнія и появившаяся въ 11 и 12 кн. „Вѣстника Европы“ за 1873 годъ статья Р—ва (извѣстнаго проф. Ростиславова), подъ заглавіемъ „Оеофилактъ Русановъ, первый экзархъ Грузіи“. Правда, въ этой статьѣ представлена болѣе или менѣе полная біографія Русанова, особенно въ сравненіи съ тѣми, о которыхъ мы уже упомянули. Но за то она вся проникнута тенденціознымъ стремленіемъ автора представить какъ Оеофилакта, такъ и все современное ему монашество въ невыгодномъ свѣтѣ. Кромѣ того, въ ней мало выяснена дѣятельность знаменитаго іерарха въ „Комиссіи духовныхъ училищъ“ и въ Калугѣ. Если же авторъ говоритъ больше о дѣятельности Оеофилакта въ Рязани и Грузіи, то и тогда онъ основывается болѣе на разсказахъ тамошнихъ старо-

жизновъ, чѣмъ на официальныхъ данныхъ. Тотъ же проф. С.-Петербургской духовной Академіи Д. И. Ростиславовъ въ своихъ „Запискахъ“, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1895 г. за мартъ мѣсяць, дополнилъ прежнія свѣдѣнія о Оеофилактѣ нѣкоторыми новыми. Но, къ сожалѣнію, эти дополнительные свѣдѣнія оказались прямо несправедливыми нареканіями на знаменитаго церковнаго дѣятеля. Такъ, Ростиславовъ, напримѣръ, приписываетъ ему два компрометирующихъ факта: 1) жестокое обращеніе съ известнымъ въ нашей исторіи Варлаамомъ Шипацкимъ, архіепископомъ моголевскимъ, при участіи (будто бы) въ церемоніи лишенія Варлаама епископскаго сана и 2) растрату огромной суммы, данной ему для оказанія помощи духовенству и церквамъ, пострадавшимъ отъ нашествія французовъ. Но теперь уже фактически доказана несправедливость этихъ двухъ нареканій на Оеофилакта. Эго, между прочимъ, доказалъ А. Гавриловъ, авторъ краткой замѣтки на „Записки Д. И. Ростиславова, проф. С.-Петербургской дух. Акад.“, помѣщенной въ августовской кн. журнала „Странникъ“ за 1895 годъ. Опроверженіе указанныхъ несправедливыхъ нареканій проф. Ростиславова на нравственное достоинство знаменитаго іерарха даетъ намъ основаніе съ недовѣріемъ относиться и къ другимъ тенденціознымъ свѣдѣніямъ Ростиславова о немъ. Совсѣмъ иначе мы должны относиться къ біографическимъ свѣдѣніямъ о Оеофилактѣ, сообщеннымъ іером. Леонидомъ въ его книгѣ подъ заглавіемъ „Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи и калужскіе іерархи“ (Калуга 1876 г.). Мы можемъ почти съ полнымъ довѣріемъ отнести къ этому источнику, такъ какъ, во-первыхъ, духъ и тонъ его не даютъ основанія заподозрѣвать нравственное достоинство ея автора, во-вторыхъ, многія свѣдѣнія о преосв. Оеофилактѣ основаны на официальныхъ документахъ. Къ сожалѣнію, въ этой книгѣ сообщаются свѣдѣнія собственно о дѣятельности преосвящен-

наго въ Калугѣ, о другихъ же родахъ и мѣстахъ его служенія только дѣлаются краткія упоминанія. О дѣятельности Оеофилакта въ Рязани даются нѣкоторые свѣдѣнія въ „Исторіи Рязанской духовной семинаріи“ Дим. Агнцова, преподавателя Рязанской духовной семинаріи, 1889 г. О дѣятельности его въ Грузіи имѣются свѣдѣнія въ „Исторіи Грузинской іерархіи“, изданной въ Москвѣ въ 1826 г. Но самымъ важнымъ печатнымъ источникомъ служить выпущенное въ 1894 г. сочиненіе Ил. Чистовича: „Дѣятели духовнаго просвѣщенія первой половины настоящаго столѣтія“. Это сочиненіе дало очень много цѣнныхъ и притомъ достоверныхъ свѣдѣній о преосв. Оеофилактѣ. Въ немъ полно изображается собственно дѣятельность его въ „Комиссіи дух. училищъ“ и въ Грузіи; о служеніи его въ Калугѣ и Рязани дается свѣдѣній очень мало, а о домашней, частной его жизни (что было бы и неумѣстно въ такомъ официальномъ сочиненіи) ничего не говорится. Къ этому сочиненію, какъ составленному авторомъ на основаніи официальныхъ документовъ, мы должны отнестись съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Наконецъ, мы должны упомянуть еще о статьѣ профессора Н. Покровскаго: „Оеофилактъ Русановъ и его проповѣди“, помѣщенной въ журналѣ „Странникъ“ за 1877 годъ (январь и февраль мѣсяцы). Эта статья, будучи составлена на основаніи статьи „Изъ прошлаго“, (Рус. Вѣстникъ 1868 г. 74 т.) и статьи Ростиславова (Вѣстникъ Евр. 1873 г. 11 и 12 кн.), не дала, собственно, ничего новаго для біографіи Оеофилакта; хотя для оцѣнки проповѣднической дѣятельности послѣдняго она имѣетъ значеніе, такъ какъ въ ней представленъ (пока единственный въ нашей проповѣднической литературѣ) болѣе или менѣе подробный отзывъ о проповѣдническомъ его талантѣ.

Сдѣланными указаніями и исчерпывается почти весь кругъ печатныхъ источниковъ, болѣе или менѣе подробно касающихся

личности Оеофилакта Русанова. Нечего и говорить о томъ, что онъ далеко не отличается богатствомъ.

Задачею нашего труда служить такое изображеніе жизни и дѣятельности преосвящ. Оеофилакта, которое могло бы дать намъ болѣе или менѣе цѣльное и безпристрастное представленіе личности его, какъ человѣка вообще и какъ церковнаго дѣятеля въ частности. Источниками, давшими намъ наличный матеріалъ для нашего труда были, во 1-хъ, критически нами разсмотрѣнныя печатныя свѣдѣнія о преосв. Оеофилактѣ, въ 2-хъ, многія частныя, случайныя, побочныя сообщенія о немъ и, въ 3-хъ, лично нами изслѣдованные документы изъ дѣлъ архива Грузино-Имеретинской конторы.

Жизнь и дѣятельность преосв. Оеофилакта Русанова мы намѣрены разсматривать по періодамъ. Основаніе для такого именно разсмотрѣнія мы имѣемъ въ самомъ ходѣ его жизни и дѣятельности. Жизнь этого замѣчательнаго церковнаго дѣятеля текла не ровно: въ ней онъ испыталъ и большую славу и паденіе. Эти два существенныхъ момента именно и раздѣляютъ всю жизнь Оеофилакта на четыре различныхъ періода. Первый періодъ (съ 1765 г., года рожденія Русанова, до 1807 г.) былъ, такъ сказать, подготовительнымъ періодомъ для его славы: изъ скромнаго учителя семинаріи онъ постепенно возвышается, создаетъ извѣстность своему имени, какъ проповѣдникъ и законоучитель столичныхъ заведеній, быстро достигаетъ епископскаго сана, и, наконецъ, епископскою дѣятельностью въ Калугѣ заявляетъ себя способнымъ уже для дѣятельности въ сферѣ столичной и синодальной—общецерковной. Второй періодъ его жизни (съ 1807—1810 г.)—періодъ славы, когда онъ является въ сѣверной столицѣ блестящимъ дѣтелемъ по современнымъ вопросамъ, касавшимся всей церкви, находясь въ званіи члена Св. Синода, члена „Комиссіи дух. училищъ“ и проф. С.-Петербургской дух. Академіи. Третій періодъ (съ конца 1810 до половины 1813 г.)—періодъ постепен-

наго ниспаденія съ высоты занятаго имъ блестящаго положенія столичнаго и общецерковнаго дѣятеля,—заключившійся совершеннымъ удаленіемъ его изъ столицы. Наконецъ, четвертый періодъ—періодъ жизни и дѣятельности Теофилакта послѣ опалы—сначала въ Рязани, потомъ въ Грузіи до самой его смерти (1821 г.).

Первый періодъ жизни и дѣятельности преосвященнаго Оеофілакта (1766—1807 гг.).

Годы его воспитанія и обученія. Дѣятельность его въ качествѣ преподавателя Александровской семинаріи, законоучителя свѣтскихъ заведеній и настоятеля монастырей. Возвышеніе и павѣстность Оеофілакта въ столицѣ. Назначеніе его епископомъ въ Калугу. Дѣятельность въ Калугѣ. Заботы о калужской семинаріи. Отношеніе его къ калужской паствѣ вообще. Обстоятельства, способствовавшія вызову его въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ.

Преосвященнаго Оеофілакта, до монашества Оеодоръ Гавриловичъ Русановъ, былъ родомъ изъ Архангельской губерніи, Онежскаго округа, Набережской волости ¹⁾. По происхожденію своему онъ принадлежалъ къ небогатой, неродовитой средѣ: былъ сынъ дьячка ²⁾. Родился въ 1765 г. ³⁾. У него было еще два брата ⁴⁾. Одинъ изъ нихъ—Григорій Русановъ, по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, опредѣленъ былъ 25 августа 1806 г. въ „Высшее училище Правовѣдѣнія“ при комиссіи составленія законовъ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ изучалъ право; въ декабрѣ 1812 г. онъ находился, между

¹⁾ „Исторія С.-Петербургской Дух. Акад.“ Изд. Чистовичъ 1857 г. стр. 88; „Журналъ Мин. Нар. Прос.“ 1848 г., июнь, стр. 303—304.

²⁾ Чистовичъ, *ibid.*

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1873 г. 11 кн., стр. 231.

прочимъ, при Оеофілактѣ для занятія по письмоводству, числѣсь сегодначальникомъ Департамента Исполнительной полиціи ¹⁾. Годы дѣтства и юности Оеофілакта, годы воспитанія и обученія прошли въ безвѣстности. Сначала онъ обучался въ бывшей Олопецкой семинаріи въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, откуда по окончаніи курса, какъ лучший ученикъ, быть посланъ въ 1787 г. въ С.-Петербургскую Невскую главную семинарію, учрежденную въ томъ же году въ качествѣ высшаго учебнаго заведенія для приготовленія учителей въ высшіе классы епархіальныхъ семинарій ²⁾. Здѣсь-то, въ духовной школѣ, постепенно развивались у него во всей широтѣ проявленныя имъ впослѣдствіи и сила воли, и стремленіе къ иниціаторской дѣятельности, и сила умственная. Въ тогдашней духовной школѣ, говоря вообще, господствовалъ старый схоластическій методъ преподаванія. Регорика, логика, философія считались главнѣйшими предметами обученія; математика, исторія, географія преподавались крайне поверхностно ³⁾. Исключеніе, въ данномъ случаѣ, составляла главная Александро-Невская семинарія, въ которой эти науки преподавались еще сносно ⁴⁾. За то обученіе древнимъ языкамъ, въ особенности латинскому, шло превосходно. Главнымъ образомъ благодаря этому обученію, а быть можетъ, и всей суровой обстановкѣ школы, изъ духовныхъ училищъ выходили люди трудолюбивые, усидчивые, неустанно преслѣдовавшіе цѣль, умѣвшіе взяться, какъ слѣдуетъ, за всякую умственную работу. Изъ этой школы выходили люди, одинаково сильные и въ теоріи и въ практикѣ, люди, способные проникаться самыми широкими идеями

¹⁾ „Руководяще дѣятели духов. просвѣщенія въ Россіи“ И. А. Чистовича, 1894 г., стр. 66.

²⁾ „Ист. С.-Петербургской Дух. Акад.“ И. Чистовича, стр. 76 и 88.

³⁾ См., напр., „Очеркъ исторіи Невской Семинаріи“ „въ Чтен. Москов. Общ. Истор. и др.“ годъ 1866, кн. 1.

⁴⁾ „Ист. С.-Петербургской Дух. Акад.“ Чистовича, стр. 77—78.

и въ то же время великіе систематикѣ и организаторы. Оеофилактъ Русановъ былъ именно однимъ изъ такихъ воспитанниковъ старой духовной школы. Такимъ же былъ и его товарищъ-другъ, младшій курсомъ, М. М. Сперанскій ¹⁾. По окончаніи курса въ главной Александро-Невской семинаріи въ 1792 г., Русановъ и Сперанскій, по ходатайству митрополита Гавріила, какъ лучшіе и даровитѣйшіе ученики, были опредѣлены въ ней учителями—первый по классу поэзіи и риторики, второй—по классу математики и физики, а вскорѣ и по классу высшего красноречія ²⁾. Въ 1792 же году Русановъ принялъ монашество съ именемъ Оеофилакта, а въ 1793 г., бывши іеродіакономъ, исполнять обязанность катихизатора, публично изъясняя катихизисъ въ теченіе цѣлаго года ³⁾. Здѣсь, вѣроятно, и началъ раскрываться его проповѣдническій талантъ. Въ 1794 году, по посвященіи въ санъ іеромонаха, онъ опредѣленъ былъ законоучителемъ въ Греческій корпусъ, переименованный въ 1796 г. въ корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ; въ 1796—1797 гг. онъ преподавалъ законъ Божій въ сухопутномъ шляхетномъ и артиллерійскомъ кадетскихъ корпусахъ ⁴⁾. На мѣста законоучителей кадетскихъ корпусовъ были предпочтительно назначаемы даровитые іеромонахи, архимандриты и священники, откуда уже они были переводимы на высшія должности іерархическія. Получивъ, по выходѣ изъ школы, возможность сблизиться съ свѣтскимъ обществомъ, Оеофилактъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости дополнить свое семинарское образованіе. Онъ съ увлеченіемъ принялся за изученіе новыхъ языковъ, особенно французскаго, который былъ въ то время гораздо

¹⁾ „Руков. дѣят. дух. просвѣ“ Чистовича стр. 28.

²⁾ „Ист. С.-Петербургскій Дух. Акад.“ Чистовича, стр. 84—89.

³⁾ Ibid., стр. 80.

⁴⁾ Ibid., стр. 89.

употребительныѣ, чѣмъ всѣ остальные языки. По-французски онъ даже умѣлъ правильно и хорошо говорить. Знаніе этихъ языковъ дало ему возможность изучить нѣмецкую и особенно французскую литературу, ознакомиться съ сочиненіями многихъ замѣчательныхъ мыслителей конца XVIII и начала XIX в.в. Особенно хорошо изучилъ онъ философію, эстетику и исторію¹⁾. Такое знакомство съ западно-европейскимъ образованіемъ естественно выдвигало его изъ ряда современныхъ духовныхъ лицъ и давало ему право на занимаемое имъ почетное положеніе. Своими обширными познаніями, своимъ умѣніемъ ясно излагать ихъ онъ производилъ такое сильное впечатлѣніе на свѣтское юношество, что даже самъ императоръ Павелъ обратилъ на него свое вниманіе²⁾. Кромѣ того, Теофилактъ въ это время сталъ извѣстенъ и своимъ проповѣдническимъ талантомъ. Имѣя видную, величественную, хотя и некрасивую, наружность³⁾, и даръ слова, онъ, въ должности законоучителя вышеупомянутыхъ заведеній, искусствомъ проповѣдничества заслужилъ одобрителное вниманіе со стороны высшаго свѣтскаго общества и даже императрицы Екатерины II ой⁴⁾.

Благодаря такой извѣстности высшему начальству и свѣтской С.-Петербургской публикѣ по своей образованности и проповѣдническому искусству, Теофилактъ быстро шелъ въ повышеніяхъ и отличіяхъ по службѣ. Въ 1795 г. онъ, по производствѣ въ санъ архимандрита, былъ назначенъ настоятелемъ Зеленецкаго монастыря; 29-го мая 1796 г. переведенъ въ Сергіевскую пустынь близъ Петергофа; 8 ноября 1798 г.—въ Новгородскій Антонія Римлянина монастырь, съ пожалованіемъ въ члены Св. Синода въ званіи

¹⁾ „Русск. Вѣст.“ 1868 г., 74 т. ст. „Изъ прошлаго“, стр. 460.

²⁾ „Вѣст. Евр.“ 1873 г. 11 кн., стр. 235.

³⁾ Онъ былъ раскошъ, рыжъ и плѣшивъ; *ibid*, стр. 234.

⁴⁾ „Ист. церк. въ предъ нынѣшней Кал. г. и кал. іерархіи“. Кал. 1876.

Ассесора; наконецъ, въ 1799 г. сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени и переведенъ въ первоклассный Иверскій монастырь; при чемъ во всѣхъ указанныхъ монастыряхъ онъ не жилъ, а оставался по должности законоучителя и члена Св. Синода въ С.-Петербургѣ ¹⁾. Идя такъ быстро въ повышеніяхъ и отличіяхъ по службѣ, Теофилактъ за свою энергичную просвѣщенную дѣятельность получилъ епископскую кафедру, имѣя только 34 года отъ роду. Посвященіе его въ санъ епископа калужскаго состоялось 30 октября 1799 года въ Гатчинской придворной церкви, а нареченіе—23-го октября; при нареченіи его, между прочимъ, изъявилъ желаніе присутствовать самъ императоръ Павелъ съ Высочайшей фамиліей ²⁾. Посвященіе въ епископы въ такихъ молодыхъ лѣтахъ—явленіе чрезвычайно рѣдкое въ тогдашнее время. Моложе Русанова едѣланъ былъ архіереемъ только Платонъ, митрополитъ московскій,—33-хъ лѣтъ; впоследствии митрополиты—Евгеній кievскій и Филаретъ московскій получили хиротонію, когда имъ было по 35 лѣтъ. По посвященіи въ епископа, Теофилактъ отправился въ свою Калужскую епархію. Онъ былъ первымъ епископомъ въ Калугѣ; на его долю пало открытіе и начальное устройство епархіальнаго управленія этой новоучрежденной епархіи. Но это же обстоятельство послужило Теофилакту въ непріятное столкновеніе съ уважаемымъ въ то время всѣми московскимъ митрополитомъ Платономъ. Старцу митрополиту не легко было видѣть постепенное сокращеніе своей епархіи ³⁾. Этимвъ, именно,

¹⁾ См. а) „Истор. С.П.В. Дух. Ак.“ Чистовича, стр. 19; б) „Ист. церк. въ предѣлахъ нынѣшней калуж. губ. и калуж. іерархіи“ іеромон. Леониды; ст. 15; в) Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1848 г. іюнь ст. 303—304.

²⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“ И. Чистовича 1894 г. стр. 30—31.

³⁾ Въ это же время образована была Тульская епархіа изъ бывшей Калужской части Московской епархіи, нѣсколько прежде Орловская изъ Сѣвскаго вѣдомства Моск. епархіи. „Руковод. дѣят. дух. просв.“ 32 стр. 2-ое прим.

обстоятельствомъ объясняется то нерасположеніе, какое встрѣтилъ преосвященный Теофилактъ со стороны митрополита Платона, когда проѣздомъ черезъ Москву въ свою епархію посѣтилъ его. Свое нерасположеніе митрополитъ Платонъ, между прочимъ, выразилъ въ слѣдующемъ отзывѣ о Теофилактѣ, высказанномъ имъ въ письмѣ къ митрополиту С.-Петербургскому Амвросію отъ 15-го апрѣля 1800 г.: „человѣкъ молодой и не по сану отважный“¹⁾.

Но были и другія основанія для нерасположенія митрополита Платона къ преосв. Теофилакту. Онъ требовалъ отъ митрополита Платона, на основаніи синодальнаго постановленія, выдачи ему ризницы и прочаго церковнаго и домового имущества бывшихъ крутицкихъ архіереевъ²⁾; Платону же, какъ можно заключать по 57, 58 и 60 письмамъ его къ митрополиту Амвросію, не хотѣлось отдавать Теофилакту всего, что тотъ требовалъ, хотя все-таки въ концѣ концовъ пришлось отдать. Какъ сообщаетъ іером. Леонидъ, преосв. Теофилактъ дѣйствительно получилъ ризницу бывшей Крутицкой епархіи (кромя ризъ, питыхъ жемчугомъ), хранившуюся до того времени въ Александро-Певской лаврѣ. Также ему велѣно было отдать какъ домовыя вещи бывшаго крутицкаго архіерейскаго дома, состоявшія въ вѣдомствѣ митрополита Платона, такъ равно и тѣ ризничныя и домовыя вещи, которыя были приобрѣтены по Дмитровской епархіи преосв. Серапіономъ³⁾. Уже въ описанномъ столкновеніи съ митрополитомъ Платономъ преосв. Теофилактъ проявилъ ту энергичную, твердую независимость въ своихъ дѣйствіяхъ, которою отличался до конца своей жизни. Хотя, быть можетъ, въ упомянутомъ случаѣ онъ уже слишкомъ „отважно“, по

¹⁾ 58 письмо м. Платона къ м. Амвросію, помѣщ., какъ и всѣ другія письма, въ приб. къ „Прав. Обзор.“ 1869 г. за 1-ое полугод. ст. 44.

²⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“ Чистовича, стр. 32.

³⁾ Цитов. соч. іером. Леониды, стр. 156 и 157.

выраженію Платона, отстаивалъ свои права, но все-же юридическая справедливость была на его сторонѣ.

Въ Калугу преосв. Оеофилактъ прибылъ 8-го января 1800 г. Паства встрѣтила своего новаго пастыря, по рассказамъ очевидцевъ¹⁾, почти въ полномъ своемъ составѣ, расположившись на разстояніи двухъ верстъ отъ Лаврентьева монастыря до церкви свят. Іоанна Предгечи. При чемъ преосвященный на литургіи, совершаемой имъ въ церкви Казанской Богоматери, привѣтствовалъ свою паству словомъ на текстъ: „внемлите Закону Божію, слышите слово Господне (Ис. 1, 3; Іерем. X, 1“), въ которомъ, намекая на главный недугъ ея, между прочимъ, сказалъ, что „слово Божіе, преобразовавши совершенно нравы и склонности народа въ первыхъ вѣкахъ христіанства, надъ слушателями настоящаго времени дѣйствуетъ такъ слабо, что святая церковь не можетъ достойно оплакать такового оскудѣвія, особенно когда зрѣтъ отторгающихся отъ нѣдръ православныя нашей вѣры и впадающихъ въ недугъ раскола“²⁾. Нужно замѣтить, что въ Калужской губерніи расколъ былъ очень тогда распространенъ. Начало ему было здѣсь положено въ царствованіе Петра Великаго: онъ явился въ такъ называемыхъ „Брынскихъ лѣсахъ“, по рѣкѣ Брыни въ Мещовскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ. Изъ Брынскихъ лѣсовъ онъ распространился потомъ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ Калужской губ. Но были и независимые отъ брынцевъ сѣятели раскола въ Калужской губерніи, особенно въ Боровскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ, которые сдѣлались сильными пунктами раскола, явившимися на Вѣтку первыхъ учителей „поповщины“³⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ историческихъ данныхъ для уясненія того, предпринималъ ли преосвященный какія-либо мѣры

¹⁾ Леонидъ, лит. соч., стр. 157.

²⁾ См. лит. собр. словъ Оеофилакта, ч. 1-ая, стр. 1—2.

³⁾ Леонидъ, стр. 139—146 и 218.

противъ тамошняго раскола. Иеромонахъ Леонидъ упоминаетъ только объ одномъ фактѣ, касающемся отношенія преосвященнаго къ расколу, именно о томъ, что по ходатайству этого преосвященнаго устроена была въ Калугѣ въ 1801 г. первая единовѣрческая церковь для нѣкоторыхъ старообрядцевъ, склонившихся къ принятію единовѣрія¹⁾.

Какъ епархіальный начальникъ и администраторъ, Оеофилактъ заявилъ себя энергическимъ дѣятелемъ. Первымъ предметомъ его заботъ было по пріѣздѣ въ Калугу устройство новой калужской консисторіи и духовной семинаріи. Доселѣ вмѣсто консисторіи было „Духовное правленіе“, вмѣсто семинаріи было собственно духовное уѣздное училище (хотя и носившее названіе семинаріи), по окончаніи котораго дѣти калужскаго духовенства учились въ Черевинской и Троицкой семинаріяхъ и въ старой Московской²⁾ Академіи. И „Духовное правленіе“ и училище помѣщались въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, близъ Калуги³⁾, но Оеофилактъ счелъ нужнымъ устроить ихъ въ преобразованной формѣ на болѣе видномъ мѣстѣ. Онъ истребовалъ отъ гражданскаго начальства, въ силу общихъ распоряженій объ епархіи, отвода участка земли и зданій въ самой Калугѣ какъ для консисторіи, такъ и для новой семинаріи. Но особенно преосвященный заботился объ устройствѣ духовной семинаріи. Въ Калужской летописи С. Руссова находится слѣдующее указаніе на характеръ и сущность преобразованія Калужской семинаріи при епископѣ Оеофилактѣ: „Въ 1800 г. Калужская духовная семинарія распространена: въ ней начали преподавать науки—философію и богословію, риторику, поэзію, начали учить частію математикѣ, греческому, нѣмецкому, французскому языкамъ, для

¹⁾ Цит. соч., стр. 158

²⁾ Цит. соч. іером. Леонидъ, стр. 158 и „Руков. дѣят. духов. просв.“ Чистовича 1894 г., стр. 32.

³⁾ Этотъ монастырь былъ основанъ въ началѣ XVI вѣка.

которыхъ прежде отправлялись или въ Московскую Академію, или въ Троицкую и Перервинскую семинарію. Содержаніе Калужской семинаріи увеличено до 6000 р.¹⁾“. Изъ этого краткаго указанія видно, что Оеофилактъ стремился поставить умственный уровень калужскаго духовенства на подобающую высоту, желая сдѣлать духовенство свѣдущимъ не только въ богословскихъ, но и въ общеобразовательныхъ наукахъ. Въ этихъ заботахъ о дѣлахъ калужскаго духовенства сказалась любовь самого преосвященнаго къ наукѣ и образованію. Огу же любви онъ старался внушать семинаристамъ, когда являлся къ нимъ или для бесѣды въ часы, свободныя отъ епархіальныхъ занятій, или для слушанія введенныхъ имъ же въ семинаріи диспутовъ, или же, наконецъ, для присутствованія на экзаменахъ.

Здѣсь-то съ замѣчательною проицательностью онъ обнаруживалъ отличительныя качества или дарованія въ воспитанникахъ, давая имъ, на основаніи этого обнаруженія нѣкоторыя характеристичныя прозванія, вполнѣ оправданныя на поприщѣ ихъ служенія. Такъ, проф. „Надеждинъ“ получилъ свою фамилію отъ преосвященнаго Оеофилакта, который замѣтилъ его по бойкости отвѣтовъ на экзаменъ²⁾. Желая сразу же поставить хорошо дѣло ученія въ новой семинаріи, энергическій іерархъ вызвалъ изъ Троицкой семинаріи всехъ обучавшихся въ ней калужанъ, которые, пользовались тамъ славою лучшихъ воспитанниковъ по ученію вообще и по латыни въ частности³⁾. Впрочемъ, Оеофилактъ имѣлъ для этого вызова также и другой поводъ: калужанъ притѣсняли въ Троицкой семинаріи⁴⁾. Въ такихъ неотомимыхъ заботахъ по семинаріи и по другимъ немаловажнымъ епархіальнымъ

¹⁾ Изг. соч. іером. Леоніада, стр. 159.

²⁾ Тамъ же, стр. 159.

³⁾ Руков. дѣл. дух. просв., Числовича, стр. 32.

⁴⁾ „Прав. обоз.“ 1869 г. т. 26, стр. 509.

дѣламъ преосв. Оеофилактъ проходилъ до конца свое епископское служеніе въ Калугѣ.

Что же касается личныхъ и служебныхъ его отношеній къ подчиненному ему калужскому духовенству, то они характеризуютъ его, какъ человека весьма обходительнаго, справедливаго и способнаго къ искусному управленію. Онъ умѣлъ каждому своему подчиненному воздать должное, устраняя всѣ посторонніе виды и поощряя, кого слѣдуетъ. Это доказываютъ нравственные достоинства и заслуги тѣхъ духовныхъ калужскихъ лицъ, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ. Изъ такихъ лицъ извѣстны, напр., по свидѣтельству іером. Леонида, протоіерей Троицкаго собора Іоаннъ Рыбниковъ, особенно священникъ казанской церкви—Іоаннъ Васильевскій, протодіаконъ Евтихій Морозовъ и нѣкоторые другіе. Прот. Рыбниковъ, котораго Оеофилактъ, по пріѣздѣ въ Калугу, назначилъ членомъ новой консисторіи, произвелъ себя однимъ изъ дѣятельныхъ и опытныхъ помощниковъ преосвященнаго по административной части. О глубокомъ уваженіи къ Рыбникову калужанъ можетъ свидѣтельствовать фактъ построенія ему дома на общественный счетъ¹⁾. Онъ скончался въ глубокой старости при преосв. Григоріи, бывшемъ на калужской кафедрѣ съ 1827 по 1860 г. Священникъ Іоаннъ Васильевскій²⁾ былъ уже въ должности благочиннаго городскихъ церквей, когда Оеофилактъ пріѣхалъ въ Калугу. Отличныя его способности, а главное—его душевныя свойства, были причиною того, что преосвященный особенно приблизилъ его къ себѣ. Отношенія между преосвященнымъ и Васильевскимъ были самыя искреннія и дружескія. Часто они проводили по нѣсколько часовъ до глубокой ночи въ искреннихъ бесѣдахъ между собою. Оеофилактъ по-

¹⁾ Цит. соч. іером. Леонида, ст. 160.

²⁾ Ibid, ст. 163—162 и „Ист. С.-Петербург. дух. Акад.“ Чистовича, ст. 247.

стоянно старался выразить о. Иоанну свое вниманіе, поощряя его наградами. Когда Васильевскій овдовѣлъ, то преосвященный убѣдилъ его принять монашество. Монашество съ именемъ Іоны Васильевскій принялъ именно въ 1807 г. въ С.-Петербургѣ, явившись туда по приглашенію Оеофилакta, вызваннаго въ томъ же году для присутствованія въ Св. Синодѣ. Съ 1809 г. онъ, между прочимъ, былъ ректоромъ калужской семинаріи, съ 1821 г. архіепископомъ астраханскимъ и, наконецъ, въ томъ же году, по смерти Оеофилакta, сдѣлался экзархомъ Грузіи въ санѣ митрополита и въ званіи члена св. Синода. Умеръ въ 1849 г. 22-го іюля въ С.-Петербургѣ. Калуга, по свидѣтельству іером. Леонида, и до сихъ поръ чтитъ память этого незабвеннаго святителя, съ которымъ она была связана узами любви. Представленіе о личности также близкаго къ Оеофилакту протодіакона Евтихія Морозова мы можемъ отчасти получить изъ слѣдующаго интереснаго разсказа о немъ, переданнаго іеромонахомъ Леонидомъ. „Сельскій причетникъ, многосемейный, безстихарный, онъ“ (Евтихій), разсказываетъ іером. Леонидъ, „пришелъ къ Оеофилакту въ нагольной шубѣ, въ лаптяхъ, съ пропѣніемъ о посвященіи себя въ стихарь. Преосвященный раскрывъ книгу, заставилъ его читать. Евтихій прочиталъ природнымъ своимъ голосомъ, ни мало имъ не тщеславясь. Преосвященный, къ своему удовольствію и удивленію, услышалъ сильнѣйшій басъ; далъ нотную книгу и велѣлъ ему пѣть. Евтихій пѣлъ тренеща и не замѣчалъ, что не пѣлъ, а гремѣлъ. Преосвященный тогда же потребовалъ къ себѣ регента своихъ пѣвчихъ и поручилъ ему обучать Евтихія партесному пѣнію, приказавъ считать его въ хорѣ.

Юноша заплакалъ, зарыдалъ, говоря о своемъ невѣжествѣ и многочисленномъ семействѣ, котораго былъ единственною опорою. Преосвященный утѣшалъ его, и тогда же указомъ повелѣлъ благочинному перевести его семейство въ городъ безъ всякаго для нихъ убытка. Евтихій вскорѣ былъ

рукоположенъ во діакона, а потомъ и въ протодіакона¹⁾. Изъ этого разсказа можно заключать о добротѣ какъ Евгехія Морозова, такъ и самого Оеофилакта. Подъ старость о. Евгехій былъ даже протоіереемъ Васильевской калужской церкви. Умеръ около 1830 г., оставивъ по себѣ память незабвеннаго по сносностямъ и голосу протодіакона и вмѣстѣ простого и добраго чловѣка.

Вотъ какихъ почтенныхъ по своимъ нравственнымъ достоинствамъ и заслугамъ лицъ приближалъ къ себѣ преосв. Оеофилактъ. Но и со всѣмъ вообще духовенствомъ и монастырскими лицами онъ былъ обходителенъ и ласковъ. Преосвященный любилъ обыкновенно нечаянно посѣщать дома духовныхъ и монашескую, и всегда дѣлалъ милостивый выговоръ, если замѣчалъ неопрятность въ комнатахъ, запустѣніе въ огородѣ²⁾ или нечистоту на дворѣ: „кто не умѣетъ устроить своего дома“, говаривалъ онъ часто, „тогѣ плохой строитель и въ домѣ Божіемъ, гдѣ всѣ мы лишь работники“³⁾. Кромѣ духовной среды, Оеофилактъ любилъ сообщаться и съ свѣтскою. У него бывали часто калужскіе купцы, Билибины, Рябчиковы, Пряпишниковы, Фалѣевы, Черновы и другіе, памятные, по свидѣтельству іеромон. Леонида, всѣмъ калужанамъ своею щедрою благотворительностію⁴⁾. Эти купцы очень уважали своего архинастыря, выражая признательность къ нему частыми подарками⁵⁾.

По разсказу того же іером. Леонида, преосвященный въ праздничные дни, въ видахъ поддержанія хорошихъ отношеній между духовенствомъ и горожанами, устраивалъ у

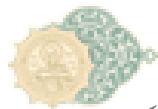
¹⁾ Цит. сочин. іером. Леонида, стр. 163.

²⁾ Преосвященный очень любилъ хозяйство,—заводилъ, напр., у себя въ Калугѣ коровъ холмогор. породы и пр.

³⁾ Цит. соч. іером. Леонида, ст. 166

⁴⁾ Ibid., ст. 167.

⁵⁾ Ibid.

себя нѣчто въ родѣ пирушекъ, гдѣ давали свободу веселиться купечеству и старому духовенству, въ духѣ того времени ¹⁾).

Любилъ онъ блескъ и пышность. По рассказамъ калужскихъ старожиловъ ²⁾, онъ богато одѣвался, на дому носилъ дорогіе шелковые и бархатные подрясники и рясы, башмаки шитые золотомъ, чулки дорогіе; на прогулкѣ бывалъ въ пидлякѣ и всегда съ тростью высокой цѣны. Въ храмѣ, при совершеніи богослуженія, онъ являлся предъ народомъ въ пышныхъ облаченіяхъ, при чемъ старался всему въ богослуженіи придать торжественный видъ. Пѣвчихъ ставилъ человекъ по шестидесяти на одномъ клиросѣ.

Преосв. Оеофилактъ не былъ аскетомъ въ своихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не проявлялъ въ нихъ ничего, недостойнаго христіанина. Образъ его ежедневной домашней жизни въ Калугѣ былъ такой: вставши рано, прогулявши и позавтракавъ, Оеофилактъ обычно принималъ посетителей. Вечеромъ занимался дѣлами, а по ночамъ предавался молитвѣ, сочинялъ и переводилъ съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, новогреческаго и латинскаго языковъ. При выборѣ иностранныхъ сочиненій для перевода Оеофилактъ проявлялъ нѣкоторую своеобразность. Еще въ бытность корпуснымъ законоучителемъ, онъ первымъ сочиненіемъ для перевода выбралъ „Философское утѣшеніе“ Воэціи и перевелъ его частію прозой, частію стихами.

Въ Калугѣ онъ сначала (въ 1801 г.) перевелъ съ латинскаго языка сочиненіе: „Врачевство отъ унынія и отчаянія“, въ двухъ частяхъ. Затѣмъ, слѣдуя уже указанію митрополита Амвросія, онъ началъ переводить рядъ ³⁾ бого

¹⁾ Цит. соч. іером. Леониды, стр. 167.

²⁾ Ibid, стр. 165.

³⁾ Переводы, принадлежащіе Оеофилакту, перечислены, между прочимъ въ „словарѣ“ Каменскаго СІВ 1847, ч. 5, ст. 390

словесныхъ сочиненій: а) съ греческаго: „Разсужденіе, въ которомъ доказывается достоинство книгъ евангельскихъ и истина свидѣтельства апостоловъ“, изд. 1803 г.; б) съ французскаго: „Созерцаніе христіанства“, соч. Женингса и „Пастырское наставленіе о превосходствѣ религій“, соч. Люцерна, изд. въ періодъ отъ 1804—1808 г.; в) въ 1806 г.— „Начала противъ безвѣрія“, соч. Колинзе.

Плодотворная епархіальная дѣятельность Оеофилакта не осталась безызвѣстной и неоцѣненной въ высшей столичной сферѣ. Въ Петербургѣ были лица, которыя интересовались жизнью преосвященнаго и знали о проявленныхъ имъ въ Калугѣ административныхъ и ученыхъ способностяхъ. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ для него его товарищъ по ученію и по службѣ въ Александро-Невской семинаріи—М. М. Сперанскій, который около 1807 г. сталъ уже вліятельнымъ и довѣреннымъ лицомъ при Александрѣ I-омъ¹⁾. М. М. Сперанскій, знавшій о способностяхъ Оеофилакта еще по своей первоначальной службѣ съ нимъ въ сѣверной столицѣ, а затѣмъ слѣдившій за его мудрою епархіальною дѣятельностію въ Калугѣ, былъ главнымъ виновникомъ перемѣщенія Оеофилакта въ столицу.

Въ то время какъ преосв. Оеофилактъ жилъ и дѣйствовалъ въ Калугѣ, въ петербургской высшей церковной сферѣ дѣятельно подготавливалась почва для разрѣшенія важныхъ, назрѣвшихъ вопросовъ, касавшихся всей русской церкви. Самыми первыми и важными вопросами этого рода были вопросы по преобразованію духовныхъ училищъ и по улучшенію положенія духовенства. Императоръ Александръ I-й, полный возвышенныхъ побужденій обновить страну и задумывая лучшее устройство всѣхъ отраслей русской жизни и просвѣщенія народа, во-первыхъ, обратилъ свой заботливый взоръ и

¹⁾ „Руковод. дѣят. дух. просв.“ Чистовича, стр. 6.

на духовныя училища. Въ 1802 г. въ кружкѣ лицъ, стоявшихъ около императора, было много говорено о необходимости преобразования духовныхъ училищъ, равно какъ и вообще улучшенія положенія духовенства¹⁾. На встрѣчу царственному взору шли ожиданія и надежды образованнаго духовенства. Оживленная дѣятельность главнаго правленія свѣтскихъ училищъ, устроявшаго на лучшихъ и обширныхъ основаніяхъ учебную часть, невольно вызвала на сопоставленіе съ тогдашнимъ неупорядоченнымъ состояніемъ духовной среды. Оцѣнивая достоинства министерства, просвѣщенные пастыри не могли не проникаться желаніемъ, чтобы и духовнымъ школамъ было, наконецъ, дано общее и определенное устройство. Однимъ изъ такихъ духовныхъ лицъ былъ ученый префектъ Невской академіи—Евгеній Болховитиновъ. Преосвященный Амвросій Подобѣдовъ, состоявшій въ то время на С.-Петербургской митрополіи, умноженіе епархіальныхъ училищъ и улучшеніе способовъ содержанія духовенства имѣлъ всегда любимую свою заботу, и, когда въ 1804 г. былъ утвержденъ новый уставъ свѣтскихъ училищъ, онъ поручилъ тотчасъ же Евгенію Болховитинову, тогда уже бывшему старорусскимъ епископомъ, составить общій планъ реформы духовныхъ училищъ²⁾. Евгеній долго трудился надъ этимъ планомъ и въ 1805 г., наконецъ, представилъ его въ Св. Синодъ, при чемъ планъ былъ Высочайше утвержденъ и одобренъ. Подробности этого плана неизвѣстны, но несомнѣнно одно, что Евгенію принадлежитъ мысль о раздѣленіи семинарій на округа и подчиненіи ихъ академіямъ. „Проектъ мой,—писалъ Евгеній въ мартѣ 1805 г. къ своему знакомому В. И. Македону,—читанъ Государю и отъянно уваженъ. Теперь онъ въ Синодѣ, и синодальные (кромѣ митро-

¹⁾ См. жур. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. май, 2-ая кн., стр. 815 „Религиозно-прав. развитіе Александра I и идея свящ. союза“ В. Падлера.

²⁾ „Истор. С.-Петерб. Академіи“ Чистовича, стр. 125.

полита) оспариваютъ одинъ только пунктъ—подчиненіе семинарій академіямъ. Это не по сердцу епархіальнымъ. Но кто-жъ виноватъ, что многіе епархіальные не радятъ объ успѣхахъ въ своихъ семинаріяхъ и жалованьемъ располагаютъ по самопроизволу, а о достоинствѣ определяемыхъ ими учителей многіе и понятія не имѣютъ“¹⁾).

Какъ видно изъ этого письма Евгенія, многіе епархіальные архіереи несочувственно относились къ затѣваемой реформѣ духовныхъ училищъ. Даже московскій митрополитъ Платонъ не раздѣлялъ одушевленія и надеждъ руководителей учебнаго дѣла. Въ 1805 г. онъ писалъ митрополиту петербургскому Амвросію: „Новое объ училищахъ учрежденіе“²⁾ читалъ. И сіе самое доказываетъ, что учрежденіе доселѣ было похвально, и порядокъ ученія производимъ былъ основательно. Да и нѣкоторые наши братья епископы ко мнѣ пишутъ. Что за нужда намъ соображаться свѣтскимъ? Пусть они отъ насъ учатся... Объ училищахъ должно разсуждать не по учрежденіямъ, а по успѣхамъ. Успѣхъ хорошъ, то видно и учрежденіе хорошо. Что на молодыхъ смотрѣть. Вотъ Меодій³⁾, Августинъ, Амвросій. Дай Богъ, чтобъ такіе и впредь выходили. А ежели новый методъ введется, то едва-ли ожидать можно лучшаго успѣха, а затрудненія и запутанности больше будетъ“⁴⁾).

Но не такъ думали хлопотавшіе надъ приведеніемъ въ дѣло высокихъ намѣреній Государя. Прежде всего самъ оберъ-прокуроръ Св. Синода—князь Голицынъ отнесся вслѣ-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 842.

²⁾ Разумиенскіе составленное Евгениемъ Болховитиновымъ „Предначертаніе о преобразованіи духовныхъ училищъ“.

³⁾ Архiep. Тверской, извѣстный лингвистъ и экзегетъ, прослаившійся хорошимъ устройствомъ духовно-учебн. завед. во всѣхъ епарх., гдѣ управлялъ. Прав. Собес. 1885 г., стр. 10.

⁴⁾ „Прав. обзоръ.“ за 1-ое полугодіе 1869 г., приложен., стр. 81 и 83 (103 и 104 письма м. Платона къ м. Амвросію).

ма сочувственно къ задуманной реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. Онъ рѣшительно поставилъ извѣстный доселѣ исключительно епархіальную постановку вопроса о духовномъ образованіи на государственную точку зрѣнія, желая придать духовнымъ школамъ общецерковную постановку и общецерковное значеніе. При чемъ онъ вмѣстѣ поднялъ вопросъ и объ улучшеніи содержанія всего приходскаго духовенства¹⁾. Такъ какъ Евгеній въ своемъ проектѣ не разработалъ экономическаго вопроса, не указавъ средствъ для содержанія духовныхъ школъ и духовенства, то Голицынъ разработку этой стороны реформы поручилъ извѣстному въ то время администратору и ученому Анастасію Братановскому, архіепископу могилевскому. Анастасій дѣйствительно и пополнилъ проектъ Евгенія, указавъ на доходы церквей отъ продажи свѣчей, какъ на источникъ содержанія духовныхъ школъ и церковныхъ причтовъ²⁾. Но князь Голицынъ не былъ въ состояніи самъ стать руководителемъ въ такихъ важныхъ духовныхъ дѣлахъ. Онъ даже, вѣроятно, до своего назначенія на должность оберъ-прокурора Св. Синода (съ 21 октября 1803 г.) и не видѣлъ духовныхъ школъ. Да и вообще въ религіозной области князь былъ человекомъ почти несвѣдущимъ: онъ не имѣлъ яснаго понятія ни о православіи, ни о другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ³⁾. Митрополитъ с.-петербургскій Амвросій, не отличавшійся выдающимися способностями, также не могъ быть надежнымъ помощникомъ Голицына въ предпринятыхъ имъ преобразованіяхъ по духовному вѣдомству. Огюста Голицынъ задумалъ учредить для содѣйствія себѣ въ данномъ случаѣ особый комитетъ. Въ этотъ комитетъ онъ намѣтилъ пригласить прежде всего

¹⁾ „Руков. дѣят. дух. просвѣ“, стр. 21.

²⁾ Прав. Собор. 1885 г. январь, ст. 11.

³⁾ Морозовъ: „Иезуиты въ Россіи“, т. 2, стр. 30, СПб. 1870 г.

М. М. Сперанскаго, какъ человѣка, занимавшагося законодательною частію и какъ воспитанника духовной школы, подробно знавшаго ея устройство и весь вообще бытъ нашего духовенства. Но Сперанскій былъ свѣтскаго положенія человѣкъ; между тѣмъ нужно было найти и изъ духовенства хотя бы одного такого человѣка, который, сочувствуя задуманной реформѣ, могъ бы явиться энергичнымъ и талантливымъ ея проводникомъ.

Вотъ тутъ-то и сказалось участіе М. М. Сперанскаго въ судьбѣ Оеофилакта. Онъ, именно, указалъ Голицыну на Оеофилакта, какъ на лицо, подходящее вполне для дѣятельности въ предполагаемомъ комитетѣ. Впрочемъ, и самъ Голицынъ шелъ, такъ сказать, на встрѣчу данному указанію Сперанскаго. Онъ уже раньше узналъ Оеофилакта съ хорошей стороны. Еще живы во время своей опалы при императорѣ Павлѣ I въ Москвѣ и отсюда иногда уѣзжая въ свои калужскія имѣнія, Голицынъ имѣлъ случай познакомиться съ преосвященнымъ и узнать объ его ученыхъ и административныхъ способностяхъ¹⁾. При такомъ ободномъ согласіи во взглядѣ на Оеофилакта, Голицынъ съ Сперанскимъ и рѣшили вызвать его въ С.-Петербургъ. Въ ноябрѣ 1806 г. именно послѣдовалъ Высочайшій указъ, вызывавшій Оеофилакта въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ²⁾. Въ ноябрѣ же 1807 г., по докладу князя Голицына, Высочайше былъ утвержденъ и открытъ „Комитетъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ“. Членами его были назначены: М. Амвросій, духовникъ Его Императорскаго Величества о. Сергій Краснолѣвковъ, оберъ-священникъ Державинъ, Оеофилактъ, статсъ-секретарь Сперанскій и князь Голицынъ³⁾.

¹⁾ Вѣстн. Европа 1873 г. 11 кн., стр. 238.

²⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 40.

³⁾ Ibid, стр. 20.

Со времени дѣятельности Теофилакта въ этомъ Комитетѣ и начинается собственно тотъ славный и блестящій періодъ его жизни и церковной дѣятельности, когда о немъ стали говорить въ Россіи всѣ, слѣдившіе за духовными дѣлами, когда имя его стало авторитетомъ въ области церковнаго просвѣщенія и управленія, когда онъ оказался на виду въ нашей сѣверной столицѣ.

А. Ельчукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).